

В диссертационный совет Д 220.038.11,
созданный на базе ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубиллина»
(350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13)

О Т З Ы В

официального оппонента

на диссертацию Мельниченко Николая Николаевича

«Уголовно-правовая охрана археологического наследия: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Диссертация Н. Н. Мельниченко «Уголовно-правовая охрана археологического наследия: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты» представляет собой актуальное, теоретически и практически значимое научное исследование.

Актуальность темы диссертационного исследования Н. Н. Мельниченко несомненна. За время действия Уголовного кодекса РФ были приняты некоторые меры оптимизации уголовно-правовой охраны археологического наследия. Так, в УК РФ появились новые статьи, в целом или частично, направленные на противодействие посягательствам на культурные ценности (ст. 226¹, 243¹, 243², 243³), а уже существовавшие статьи изменены (например, ст. 243). Факт принятия этих мер уже говорит об определенной обеспокоенности государственных органов состоянием проблемы сохранности культурных ценностей. Вместе с тем, несмотря на критику со стороны научного сообщества действующих норм, а также законодательных новелл, системность в деле уголовно-правовой охраны культурных ценностей так и не появилась. Так, игнорируя рекомендации ученых, законодатель продолжает вводить в УК РФ новые термины, касающиеся предмета уголовно-правовой охраны, например: «объекты культурного наследия», «археологические предметы», «культурные ценности в крупном размере» и пр. Тем самым усложняется понятийный аппарат в рассматриваемой сфере и затрудняется правоприменение. В связи с этим комплексный подход к исследованию, осуществленный в диссертации Н. Н. Мельниченко, заслуживает одобрения.

Необходимо отметить достаточную *степень обоснованности и достоверности* научных положений, выводов и рекомендаций,

сформулированных в диссертации. Она обеспечивается за счет применения соискателем необходимой научной методологии, исследования достаточного количества теоретических источников, а также анализа большого количества эмпирических данных, в числе которых следует особо отметить массив информации, полученной по результатам экспертного опроса по проблематике уголовно-правового противодействия посягательствам на сохранность объектов археологического наследия. Кроме того, обоснованность предлагаемых автором решений обеспечивается представлением необходимой научной аргументации.

Научная новизна положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывает сомнений и видится в подготовке соискателем комплексного монографического исследования посягательств на сохранность объектов археологического наследия и норм, устанавливающих уголовную ответственность за такие посягательства. Научная новизна исследования отобразилась в положениях, выносимых на защиту (с. 9-12), содержащих новые научные результаты и предложения, а также рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства.

Высокую степень обоснованности результатов исследовательской деятельности в рамках рецензируемой работы подтверждает также удачно сформированная структура работы, в связи с чем диссертация обладает внутренним единством. Она состоит из введения, трех глав, включающих в совокупности девять параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

В первом параграфе первой главы диссертант определяет социальную значимость объектов археологического наследия, обуславливающую необходимость их уголовно-правовой охраны (с. 15-25). При этом уместно приведены статистические данные о похищениях предметов, имеющих культурную ценность, о состоянии систематизации сведений о числе и месторасположении этих объектов (с. 16-17). Исследуя общественную опасность посягательств на сохранность археологического наследия России как основание криминализации такого рода деяний, автор выделяет экономический и социальный аспекты проблемы (с. 21-22).

Во втором параграфе четко показана роль международно-правовых актов в деле охраны археологического наследия. Автором обращено внимание на тот факт, что Российской Федерацией восприняты не все международно-правовые рекомендации по криминализации посягательств на объекты культурного наследия (приобретение объектов культурного наследия лицом, заведомо знающим о незаконном характере их получения продавцом; использование указанных объектов, полученных противоправным способом и т. д.) (с. 34). Следует согласиться с диссертантом, что наличие этих фактов не

должно влечь поспешную имплементацию рекомендаций, содержащихся в международном праве, поскольку национальных правовых средств воздействия на вышеназванные явления может быть достаточно (с. 34-35).

Проводя исторический анализ российского уголовного законодательства об ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия (первый параграф второй главы), автор научно обосновал периодизацию становления и развития института уголовной ответственности за посягательства на сохранность данных объектов (с. 36-54). Такая периодизация справедливо включает в себя пять этапов развития уголовно-правовой охраны объектов культурного наследия: зарождение, развитие, регресс, становление и оптимизацию.

Полезны для науки уголовного права результаты проведенного диссертантом во втором параграфе второй главы компаративистского исследования опыта криминализации посягательств на сохранность объектов археологического наследия в зарубежном уголовном законодательстве. Заслуживает внимания представление типологии зарубежных государств по критериям: выделения объектов археологического наследия в качестве самостоятельного предмета преступления в уголовных кодексах зарубежных государств; установления круга криминализированных в них деяний в зависимости от содержания объективной стороны; признаков субъективной стороны и субъекта преступления (с. 66-67).

Заслуживают внимания и результаты проведенного в третьей главе юридического анализа преступлений, посягающих на сохранность археологического наследия. Так, имеют теоретическую и практическую значимость выводы и предложения диссертанта относительно:

- понятия системы преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия, а также ее структуры (с. 84);
- оптимизации положений Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с. 86-87);
- необходимости объединения всех посягательств на культурные ценности в рамках гл. 25¹ УК РФ «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей» (с. 97-98);
- целесообразности установления ответственности за насильственные формы хищения предметов, имеющих особую ценность, в отдельной части ст. 164 УК РФ (с. 108);
- выделения в ст. 164 УК РФ нового состава преступления «Иные нарушения законного порядка приобретения культурных ценностей» (с. 109);

– сущности объектов археологического наследия, которые «обладают не только и не столько экономической ценностью, сколько культурологической и научной» (с. 121) и т. д.

Диссертация Н. Н. Мельниченко представляет собой самостоятельное научное исследование. В случаях заимствования материалов или отдельных результатов других авторов диссертант ссылается на соответствующие источники.

Не принижая значимости проведенного Н. Н. Мельниченко диссертационного исследования, следует также остановиться на тех его аспектах, которые, на взгляд официального оппонента, спорны либо требуют дополнительной аргументации.

1. Автор критикует предлагаемые в юридической литературе определения общественной нравственности, считая их размытыми и формально неопределенными. В силу этого, а также ряда других аргументов, диссертант предлагает отказаться от использования при формулировании названия главы 25 УК РФ понятия «общественная нравственность». При этом он настаивает на том, чтобы заменить это понятие «на более формально-определенную категорию “культурные ценности”» (с. 97). Но если осуществить эту замену, то глава 25 УК РФ уже будет называться «Преступления против здоровья населения и культурных ценностей». При этом автор предлагает преступления, посягающие на сохранность культурных ценностей, объединить в отдельной главе 25¹ УК РФ «Преступления в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей» (что при отдельном рассмотрении вызывает только одобрение).

Но в данном случае возникает путаница – понятие «культурные ценности» будет дублироваться в главах 25 и 25¹ УК РФ. В этом случае выделение главы 25¹ УК РФ будет бессмысленным. Если диссертант не предполагал дублирования этого понятия, возможно, просто неясно выразившись, то в этом случае нужно говорить не о замене категории «общественная нравственность» другой категорией, а о ее полном исключении. Но и в этом случае возникает проблема – если понятие «культурные ценности» из названия главы 25 УК РФ все же изъять, то тогда глава будет называться «Преступления против здоровья населения». Однако следует учитывать, что в этой главе находятся преступления, посягающие исключительно на общественную нравственность, а не на здоровье населения. Так, вряд ли на здоровье населения посягают такие деяния, как жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ) или надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ). По данному вопросу нужны пояснения диссертанта.

2. Трудно согласиться с тем, как диссертант определяет момент окончания контрабанды культурных ценностей. По его мнению, контрабанда в форме вывоза культурных ценностей «должна быть оконченным преступлением с момента фактического пересечения таможенной границы объекта археологического наследия» (с. 127-128). Признание преступления оконченным на этапе подачи таможенной декларации, на взгляд соискателя, переносит акцент с предмета преступления на его субъект.

Во-первых, без действий субъекта, связанных с перемещением предмета преступления через таможенную границу, этот предмет не имеет возможности перемещаться. Предмет и субъект в данном случае неразрывны, потому что незаконность перемещению предмета придает именно субъект.

Во-вторых, понятие «незаконное перемещение» довольно размыто и представляет собой процесс, который начинается с момента подачи таможенной декларации либо совершения других действий, названных в п. 25 ст. 2 Таможенного кодекса ЕАЭС, и не заканчивается фактическим пересечением таможенной границы.

В-третьих, подобное видение момента окончания контрабанды, особенно совершенной путем вывоза, создает серьезные проблемы на практике. Так, учитывая то, что момент окончания контрабанды будет связываться с прибытием преступника на территорию другого государства, довольно затруднительно будет осуществить задержание лица, совершившего оконченное преступление – контрабанду культурных ценностей.

В-четвертых, определение незаконного перемещения через таможенную границу, данное в п. 25 ст. 2 Таможенного кодекса ЕАЭС, располагает к тому, чтобы признавать моментом окончания контрабанды культурных ценностей момент подачи таможенной декларации, содержащей недостоверные сведения и пр. Поэтому разъяснение, данное в абз. 2 п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде», на взгляд официального оппонента, следует признать правильным.

3. Диссертант предлагает в ст. 243 УК РФ включить новое деяние – осквернение памятников истории и культуры (с. 131-132). По мнению оппонента, статистика привлечения к ответственности за данное деяние будет крайне низкой в связи с очевидными трудностями доказывания субъективной стороны данного преступления (в параграфе 3.4 автор этому не уделил внимания). Кроме того, понятие «осквернение» носит оценочный характер даже в предлагаемом диссертантом определении – если осквернение в видении автора должно предполагать «особый цинизм», то обычная степень цинизма не должна характеризовать осквернение памятников истории и культуры.

4. Трудно согласиться с дифференциацией ответственности, предлагаемой автором в проектах некоторых статей УК РФ. Например, в

ст. 245¹ УК РФ диссертант выделяет 6 частей (с. 165-166). При этом в каждой из частей с первой по третью предусматривается, по сути, три самостоятельных состава преступления. В остальных частях автор предлагает закрепить соответственно квалифицированный и особо квалифицированные составы преступлений.

Следует отметить, что в отечественной теории дифференциации уголовной ответственности устоялось положение, согласно которому закрепление двух и более простых составов преступлений в разных частях одной и той же статьи является малоэффективным средством варьирования наказания. Об этом достаточно подробно и аргументированно написано в работах Л. Л. Кругликова, на одну из которых в начале параграфа ссылается и сам Н. Н. Мельниченко.

Также доказано, что разделение одной и той же статьи более чем на четыре части представляет собой избыточную дифференциацию уголовной ответственности, поскольку в этом случае будет трудно обеспечить существенный перепад в степени общественной опасности преступлений, требующийся при дифференциации ответственности. В проекте ст. 245¹ УК РФ диссертант не приводит размеры и виды наказаний за совершение предусмотренных данной статьей преступлений, поэтому не представляется возможным судить о том, насколько значительным перепад в общественной опасности преступлений, предусмотренных различными частями рассматриваемой статьи, видит диссертант. Следовательно, обоснованность такой дифференциации следует поставить под сомнение.

Вместе с тем, следует отметить, что перечисленные замечания носят либо рекомендательный, либо дискуссионный характер и ни в коей мере не подрывают вывода о высокой степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверности и новизны.

По мнению официального оппонента, автор в достаточной мере достиг заявленной цели: создать совокупность новых теоретических положений, дополняющих и развивающих доктринальное учение об уголовно-правовом противодействии посягательствам на сохранность объектов археологического наследия, и формирование выводов и предложений, направленных на оптимизацию уголовно-правовой охраны указанных объектов.

Представленная диссертация является завершенным самостоятельным научным исследованием, вносящим личный вклад соискателя в разработку целостной концепции уголовно-правового противодействия посягательствам на сохранность объектов археологического наследия, а также в совершенствование практики реализации уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за данные посягательства.

Сформулированные в работе научные положения, выводы и рекомендации обоснованы. Таким образом, вышеперечисленное свидетельствует о личном вкладе автора в науку.

По мнению официального оппонента, подготовленная Н. Н. Мельниченко диссертация *соответствует критериям*, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 11 сентября 2021 г.) «О порядке присуждения ученых степеней».

Полагаю, что диссертация Н. Н. Мельниченко «Уголовно-правовая охрана археологического наследия: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук, является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития уголовно-правовой отрасли, а ее автор – Мельниченко Николай Николаевич – заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности «12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

Официальный оппонент:
профессор кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
им. В. Ф. Яковлева»
д.ю.н., доцент

Сабитов Тимур Рашидович

«01» апреля 2022 г.

620137, г. Екатеринбург ул. Комсомольская, д. 21; тел.: +7 (343) 375-08-46; e-mail: trsabitov@yandex.ru

Профессор Сабитов Т.Р.
Сабитов Т.Р.
Бурдakov AB.

